

«Синайское явление» преп. Сергия митрополиту Иеремии: русская версия

Среди многочисленных зафиксированных в житийных текстах чудес преп. Сергия чудо, о котором будет идти речь, не зафиксировано. Почему? В данном случае вопрос о доверии к свидетелю этого чуда был поставлен российскими светскими властями выше самого описанного им чуда, случившегося в священном для всех христиан месте явления Неопалимой Купины и дарования Моисею скрижалей, в обители Богородицы, Преображения Господня и почитаемой всеми христианами св. Екатерины на Синае.

Однако сама эта история с «синайским чудом» началась несколькими годами ранее с некой «предыстории». В 1619 г. Московское государство посетил Иерусалимский патриарх Феофан III (Каракалл 1608–1644). В Москве 24 июня он совершил торжественный чин поставления на патриаршество Филарета Никитича Романова. По разрешению царя Михаила Федоровича и патриарха Филарета («у Великаго Царя Михаила Федоровича сей премудрый Святейший Феофан испросил, дабы ему позволил видети места святыя, яже в России просиявших Святых Божиих Угодников, ему же все по воли его и бысть»¹) святейший Феофан посетил Троице-Сергиев монастырь, где поклонился мощам преп. Сергия, совершив обряд «отириания» мощей и двух алтарных икон храма Св. Троицы². Подробная инфор-

---

¹ Канон преподобному отцу нашему Дионисию архимандриту Сергиевы Лавры, Радонежскому чудотворцу с присовокуплением жития его. В Москве. В Синодальной типографии. 1817. С. 75–76.

² Подробно о путешествии Феофана со свитой в Московское царство и Речь Посполитую в 1619–1620 гг. см.: См.: *Коялович М. О. Дионисий, архимандрит Троицкого Сергиев-*

мация о «троицком походе», пребывании и деяниях Иерусалимского патриарха в Сергиевой обители сообщается в записке-воспоминании Иоанна Наседки, составленной по просьбе ученика и агиографа преп. Дионисия Зобниновского Симона Азарьина. Сам Наседка был непосредственным свидетелем этого события и всех сакральных жестов-деяний Феофана в Троице-Сергиевой обители³.

Наседка особо подчеркнул образ «богоспасаемой обители», который возник пред Феофаном и его свитой еще до его поездки, поскольку ему поведали о долгой осаде обители и ее чудесном избавлении от неприятеля милостью Божией и заступничеством преп. Сергия: «Слышав о обители преславной Живоначальная Троицы, како во время раззорения Московскаго Государства и самага царствующаго града Москвы, то малое место спасено бысть от польских и литовских народов, дивися зело, и хотяше видети с желанием сердечным, *не место, но дивна-*

ва монастыря: исторический очерк // Странник. 1862. № 1. С. 20–32; *Поспелов С. М.* Преподобный Дионисий, архимандрит Троице-Сергиева монастыря // Чтения Общества любителей духовного просвещения. 1865. Т. 2; *Скворцов Д.* Дионисий Зобниновский, архимандрит Троицкого-Сергиева монастыря (ныне Лавры). Историческое исследование. Тверь, 1890. С. 312–313; *Никольский Н. К.* К истории наказаний писателей в XVII веке // Библиографическая летопись. 1914. Т. 1. С. 126–128; *Гречев Б.* Русская церковь и Русское государство в смутные годы: патриарх Ермоген и архимандрит Дионисий. М., 1918; *Белоброва О. А.* Портретные изображения Дионисия Зобниновского // Сообщения Загорского музея-заповедника. Загорск, 1960. Вып. 3. С. 175–180 (то же в новой редакции: *Белоброва О. А.* Очерки русской художественной культуры XVI–XX вв. М., 2005. С. 86–92); *Макарий (Булгаков), митр.* История Русской Церкви. М., 1996. Кн. 6. С. 281; Наиболее пространно пересказал этот эпизод Н. Ф. Каптерев: *Каптерев Н. Ф.* Сношения Иерусалимских патриархов с русским правительством с половины XVI до конца XVIII столетия // Православный Палестинский сборник. СПб., 1895. Т. 15. Вып. 1 (43). С. 37–38. См. также: *Hofmann J.* Theophanes // Biographisch-Bibliographisches Kirchenlexikon. Band. XI. 1996. Spalt. 1021–1024; *Idem.* Griechische Patriarchen und Römische Päpste. Untersuchungen und texte. T. III: Thejphanes III Patriarch von Jerusalem und Papst Urban VIII. Roma, 1933; *Podskalsky G.* Griechische Theologie in der Zeit der Türkenherrschaft (1453–1821). München, 1988; *Kraft E.* Moskaus grichisches Jahrhundert: Russisch-griechische Beziehungen und metabyzantinischer Einfluss 1619–1694. Stuttgart, 1995. S. 105–107.

³ *Скворцов Д.* Дионисий Зобниновский, архимандрит Троицкого-Сергиева монастыря (ныне Лавры). Историческое исследование. Тверь, 1890; *Зиборов В. К.* Иоанн Васильевич Шевелев Наседка // СККДР. СПб., 1993. Вып. 3 (XVII в.). Часть 2: И — О. С. 63–65; *Отарина Т. А.* Иван Наседка и полемическое богословие Киевской митрополии. Новосибирск, 1998; *Белоброва О. А.* Из реального комментария к Житию Дионисия, архимандрита Троице-Сергиева монастыря // Троице-Сергиева лавра в истории, культуре и духовной жизни России. М., 2000. С. 132–147; *Флоря Б. Н.* Дионисий (Зобниновский) // Православная энциклопедия. М., 2009. Т. 15. С. 257–267.

го хранителя места, великаго Святаго Сергия Чудотворца»⁴. В соответствии с учением Церкви и традицией древних монастырей, славу обителям составляют святые, особенно же основатели монастырей, поскольку не место определяет святость, а совершавший свои подвиги святой человек. Религиозное сознание самого патриарха, паломников и насельников монастыря не могло не объяснять спасение обители во время Смуты Божественной защитой и предстоянием за обитель преп. Сергия. Это и определило желание Вселенского патриарха видеть «не место, но дивного хранителя места».

Все это касалось не одного только Феофана, но также его свиты, среди которой были и синаиты, составившие часть патриаршего хора. Об этом вспоминал Иоанн Наседка: «Пояху же прежде честные старцы святыя горы Синайския дванадесять инок со архимандритом своим и келарем». Пение синаитов как бы приносило дух святой Горы Хорив, где Моисей получил скрижали, где находилась Неопалимая Купина и мощи всехристианской святой Екатерины. Это был дух древней греческой Церкви. Но в нашем случае важно другое: с Феофаном обитель преп. Сергия посетили не только монахи-певцы, но также архимандрит и келарь Синайского монастыря. Исследования современных ученых показывают, что в конце XVI — середине XVII в. в греческом обществе развивались прорусские настроения, Московское царство воспринималось как потенциальная опора в освобождении от мусульман, а русских царей считали продолжателями византийских императоров, что подчеркивалось посылкой в Россию драгоценных реликвий и приездом многочисленных делегаций от всех четырех древнейших патриархов⁵. Случай с «синайским чудом» подтверждает эту мысль.

---

⁴ Канон преподобному отцу нашему Дионисию. С. 76. Здесь и далее все выделения в текстах — наши.

⁵ Мальтезу Х. Греки и Москва — имперский город // Рим, Константинополь, Москва: сравнительно-исторические исследования центров идеологии и культуры до 17 в. М., 1997. С. 300–307; *Maltezou Ch. Les Grecs devant Moscou — ville Imperiale* // Исследования по славяно-византийскому средневековью. София, 1998. С. 68–74; Чеснокова Н. П. Пути освобождения греческого народа в представлениях поствизантийских и русских авторов // Византия и Запад (350-летие схизмы христианской церкви. 800-летие захвата Константинополя крестоносцами). М., 2004. С. 170–174; Чеснокова Н. П. Русский царь — Новый Константин // Репрезентация верховной власти в средневековом обществе (Центральная, Восточная и Юго-Восточная Европа). Славяне и их соседи. М., 2004. С. 107–111; Пятницкий Ю. А. Московский кремль и греко-русские связи XVI–XVII веков // Государственные музеи Московского кремля. Материалы и исследования. Т. 11. Русская художественная культура XV–XVI веков. М., 1998.

Синайская братия была свидетелем открытия мощей преп. Сергия и вместе с патриархом видела даже его лик. Перед литургией Феофан совершил молебен и святой водой «Святыя Живоначальныя Троицы образ отирал, и окроплял со многими слезами, и Святыя Владычицы наша Богородицы, и Приснодевы Марии»⁶. После этого Феофан решился лицезреть мощи преп. Сергия. При этом не просто к ним приложиться, а увидеть сам лик преподобного. Вот как пишет об этом Наседка: «Потом пришед к святым мощам великаго святаго чудотворца Сергия, повеле архимандриту Дионисию открыть святое лице чудотворца». Лик открывался для «омовения» мощей святой водой. Наседка об этом пишет вскользь: патриарх «отре губкою» лик Сергия, «и егда отре губою (лик преподобного — В. У), объят его страх велик, и сердце его трепеташе в нем: виде бо его в нетлении суца, и перси святаго; и руце осязав, дивляшеся»⁷. В чем же страх и удивление патриарха, прикоснувшегося во утверждение свое не только лика, отираемого святой водой, но и к груди и рукам преподобного (они не отирались и не окроплялись святой водой, следовательно, речь шла именно о «уверении» в нетленности)? Напомним греческую традицию: святым считался тот, кто предавался тлению и при открытии погребения которого выявляли желтые кости, нетленный же считался грешником. В русской, как и скандинавской практике канонизации и понимании святости, нетленность как раз считалась одним из весомых доказательств прославления⁸. Так чему же «дивился» Феофан: действительно нетленности Сергия, как пишет Наседка, или же несоответствию греческой традиции прославления/непрославления? Судя по содержанию дальнейшей речи патриарха к молящимся в Троицком соборе, Феофан «дивился» нетленности как святости. Речь Феофана в соборе представлена в тексте Наседки следующим образом: «И ставши ко образу Пресвятыя Троицы, повеле толмачу толковати речи своя, и сказывати в слух всем людям благодарение Святей Троице, и Пресвятей Богородице; а потом обратився к великому чудотворцу, глаголаше сице: О великий Сергие чудотворче! изыде слава святаго жития твоего даже до восток солнечных, и благодарим Содетеля всяческих Христа Бога, яко и на конец века до-

---

⁶ Там же. С. 78.

⁷ Канон преподобному отцу нашему Дионисию. С. 78.

⁸ Успенский Ф. Б. Нетленность мощей: опыт сопоставительного анализа греческой, русской и скандинавской традиций // Восточнохристианские реликвии / Сост. А. М. Лидов. М., 2003. С. 151–160.

шедшим людям и верующим в Него дает упование не отпадать правая веры, за молитвы Пресвятыя Его Матере, и вас ради со всеми святыми подвизавшимися по благочестии»⁹.

Итак, патриарх стоял у храмовой рублевской иконы Св. Троицы, превознося Ей благодарение, а также образу Богоматери, которые отирал и окроплял святой водой. Затем его слова были обращены к преп. Сергию. Патриарх подчеркнул известность имени и «славы» жития преподобного «даже до восток солнечных». Эта последняя фраза — еще один важный момент для дешифровки «синайского чуда», указывающая на известность культа преп. Сергия на Востоке. По крайней мере, после этого посещения Троице-Сергиевой обители синаяская братия принесла информацию о преподобном и его монастыре на Синай.

При участии синаитов перед мощами и «при помощи» мощей преп. Сергия Феофан совершил необычный акт дарования своего клобука троицкому архимандриту Дионисию: «прииде ко гробу великаго чудотворца Сергия, и снемши с себя клобук, его же ношаше на главе своей, и покропив святою водою, отре тем клобуком колена и голени, плесне и подошвы ног у чудотворца Сергия, и во гроб святаго прикинув, под плесне святых его ног подложил, и со многими слезами долгое время моляшеся», затем возложил свой клобук на голову Зобниновскому, заповедав передать его всем последующим настоятелям. При этом по приказу патриарха «архимандрит Синайския горы, трижды воспел, Господи помилуй, по гречески, Кирие элейсон»¹⁰. Данный момент также важен для рассматриваемой темы: главой синаяской обители и всех православных Синая был архиепископ, имевший резиденцию в Синайском монастыре, которого традиционно поставлял Иерусалимский патриарх. В проведенном обряде у гроба преп. Сергия синаиты не могли не отметить некоего «родства» с церемонией поставления своего архиепископа.

Еще один важный момент, способствовавший желанию известить о «синайском чуде» перед московскими властями присланным из Синая митрополитом, также был «завязан» на «троицком походе» Феофана. Перед отъездом патриарха, после литургии, ему были поднесены многочисленные и богатые дары (соболя, деньги, драгоценности), среди которых, по указу царя — «образ Сергиево видение, обложен

---

⁹ Канон преподобному отцу нашему Дионисию. С. 78–79.

¹⁰ Там же. С. 82–83.

серебром»¹¹. С одной стороны, при помощи иконографии распространялся культ преподобного на Востоке, а с другой — весть о щедрости троицкой братии.

Все означенные факторы и создали достаточный фон для действия синаитов, пославших свое посольство в Московское царство в 1623 г. При этом они воспользовались авторитетом патриарха Феофана, к которому и царь и Московский патриарх Филарет выказывали неподдельное почитание и в дальнейшем (сохранилось 32 грамоты, выданные на имя московских властей от лица патриарха Феофана в 1619–1644 гг.)¹². Но кроме этого синайское священноначалие использовало также принесенную синаитами из России и Троицкой обители информацию о преп. Сергии.

Мы, наконец, подошли к самой сути дела. В 1623 г., заручившись рекомендацией патриарха Феофана, в Москву прибыл посланец Синайской обители в сане митрополита, — Иеремия. Он сразу представил Михаилу Федоровичу и патриарху Филарету рекомендательные грамоты Иерусалимского патриарха Феофана, в которых святейший писал: «Святые монастыри терпят великую нужду, и более всех других Синайская Богоявленная обитель, и не имеет где главы преклонить и к кому прибегнуть, чтобы милость обрести. Прибегаем к тебе, милостивому и милосердному царю, потому что ведаем царствие твое; и так мы послали сего преосвященного митрополита, брата и сослужбника нашего смирения, господина Иеремию, который был прежде сего в Родосе, мужа вернаго и любезнаго. Он послан из Святыя Горы Си-

---

¹¹ Каптерев Н. Ф. Сношения Иерусалимских патриархов с русским правительством... С. 31.

¹² Скворцов Д. И. Дионисий Зобниновский. С. 315–517; Фонкич Б. Л. Иерусалимский патриарх Феофан в России // Иерусалим в русской культуре. М., 1994. С. 212–218; Фонкич Б. Л. Грамота Иерусалимского патриарха Феофана об учреждении Московским патриархом Филарета Никитича // Фонкич Б. Л. Греческие рукописи и документы в России в XIV — начале XVIII в. М., 2003. С. 400–410; Фонкич Б. Л. Иерусалимский патриарх Феофан и России: Обзор греческих грамот РГАДА // Фонкич Б. Л. Греческие рукописи и документы в России в XIV — начале XVIII в. М., 2003. С. 411–420; Ченцова В. Г. О греческих грамотах иерусалимского патриарха Феофана из собрания Росийского государственного архива древних актов (Постановка проблемы) // Исторические традиции русско-сирийских культурных и духовных связей: миссия антиохийского патриарха Макария и дневники архидиакона Павла Алеппского. К 350-летию посещения патриархом Макарием Антиохийским и архидиаконом Павлом Алеппским Москвы. Четвертые чтения памяти профессора Николая Федоровича Каптерева. М., 2006. С. 124–139.

Ил. 1. Монастырь св. Екатерины на Синае

найския, от епископа боголюбиваго и от всего собора к тебе, государю, для милостыни и помощи, и мы равномерно молим тебя, да примешь его»¹³. Подчеркнем сразу два момента: Феофан называет синайский монастырь Богоявленским, следовательно подчеркивает явление Господа в виде Неопалимой Купины, не привязывая ее к Богородичному культу, хотя сами синаиты и православные богословы уже давно связывали Неопалимую Купину с образом Богородицы, тогда как в самой обители имели главный храм в честь Преображения Господня. Не упоминает Феофан и о св. Екатерине, мощи которой почивали в обители. Сакральный топос Богоявления задавал наивысшее представление о значимости обители, в которой остались «живые следы» явления са-

¹³ Дело о приезде Иеремии в Москву и следствие, с ним связанное сохранилось в материалах Посольского приказа: РГАДА. Ф. 52. Сношения России с Грецией и православным Востоком. Оп. 1. Д. 5. Столбцы. 97 л. Эти материалы первым использовал Н. Ф. Каптерев: *Каптерев Н. Ф.* Русская благотворительность Синайской обители в XVI, XVII и XVIII столетиях // Чтения в Обществе любителей духовного просвещения. 1881. Октябрь — ноябрь. С. 372–379; *Каптерев Н. Ф.* Сношения Иерусалимских патриархов с русским правительством... С. 96–99.

Ил. 2. Неопалимая Купина

мого Бога — Неопалимая Купина. Второй важный момент: Иеремия был назван «прежним» митрополитом Родоса, которого послал для сбора милостыни на синайскую обитель глава всех православных на Синае и самой обители — епископ Синайский, поставленный Иерусалимским патриархом. Следовательно, митрополит Иеремия, бывший синайским постриженником, не возглавлял обитель, а исполнял поручение ее священноначалия. Это объясняет наличие у него второго важного документа — прошения братии Синайского монастыря и Собора всей Палестины о милостыне с рекомендацией личности посланца — Иеремии.

Обе рекомендации сделали свое дело: царь и патриарх любезно приняли митрополита Иеремию. И вот после приема Иеремия подал на имя Филарета челобитную с информацией и «синайском чуде» преп. Сергия. В переводе толмачей Посольского приказа эта челобитная имела несколько ключевых моментов. Во-первых, Иеремия указывал на всеобщее желание православных Востока увидеть на престоле бывших византийских императоров в Константинополе самого Михаила Федоровича: «Молим Бога и весь порабощенный род греческой, чтобы нам сподобил Бог видеть на Вселенском Константинопольском

престоле царя царей, великаго государя, царя и великаго князя Михаила Феодоровича всея Руси самодержца, да и мы обрящем покой и легкость». В этом заявлении можно было увидеть некий призыв к военной деятельности «антитурецкой лиги», если не войны против Османской империи самого Московского царства. Во всяком случае, указание на императорское достоинство и возможность «вернуть к жизни» Византийскую империю под началом русского православного царя имело не только значение известной «греческой лести», но и явно выраженную идеологию указанного выше «прорусского образца».

Вторым моментом челобитной была просьба о пожаловании Филаретом дополнительно еще трех образов для Восточных патриархов: «да отвезу их к трем патриархам: Константинопольскому, Александрийскому и Иерусалимскому, занеже путное наше шествие будет мимо их, и им буду рассказывать, что те иконы на них выпросил». Н. Ф. Каптерев увидел в этой просьбе явную авантюру: образа должны были быть ценными и украшенными дорогими окладами, которые можно было по дороге продать, и т. д. Такой «меркантильный подход», как представляется, не совсем оправдан, поскольку для наживы следовало бы просить соболей или денег для бедных патриархий, заложивших сакральные предметы для выплаты долгов — этот мотив почти всегда присутствует в просительных грамотах греков. Иеремия же просил святыню — образа, притом как благословение для вселенских патриархов, чрез столицы которых он имел обратный путь (и это соответствовало действительности). Благословение Московского патриарха, пятого по диптиху, для трех предстоятелей древних церквей было бы важным свидетельством и почитания их достоинства, и подчеркивания своего высокого статуса. Иеремия же в данном случае был лишь передатчиком это «московского» благословения, правда, инициативным «передатчиком», подчеркивающим, что сам «испросил» иконы для патриархов. По-видимому, иконы он получил, поскольку, как увидим далее, его спутники корили митрополита за значительную поклажу больших икон, которые трудно везти.

Третьим, и важнейшим относительно рассматриваемой темы моментом челобитной был краткий рассказ Иеремию о «синайском чуде» преп. Сергия. Напомним, информация об этом содержится в переводе российских толмачей: «Да в месяце в октябре в сновидении видел я, смиренный грешник: явился мне святой Сергий, как бы я с ним был на горе Хориве, идеже видяше Илья-пророк Божие видение, и рек ми и указуя пещеру: тут-де был Стефан чудотворец, занеже тут пустынни-

чал, и аз, грешный и недостойный, не возмог есми с святителем поговорити, зряще величество его и страшное зрение, только пал на землю безгласен. Посему молю много-много для любви Христовой и для любви святителевой отпустите меня, да облобызаю и поклонюсь святому сему Сергию, да ми простит согрешение мое, а большая мзда да будет на святительстве твоём». Вряд ли стоит вслед за Н. Ф. Каптеревым иронически отмечать неверность титулования преп. Сергия святителем. По-видимому, сложность иерархии греческой терминологии святости для переводчиков оказалась трудной — т. е., мы склонны считать это опиской переводчиков, а не виной Иеремии, который «не позаботился навести более точные справки о преп. Сергии»¹⁴.

Важно само описание видения преп. Сергия и его «привязка» к святым местам Синая и горы Хорив. В традициях агиографического жанра, Иеремия указывал даже приблизительное время видения — октябрь по-видимому 1622 г., но по сентябрьскому календарю это было уже в 1623 г. Знаковыми являются также и сакральные символы видения. Речь не шла о Неопалимой Купине, колодце Моисея, Преображении и др. святынях главной синайской обители. Иеремия говорил о видении на горе Хорив. При том, это священное место не привязывалось и к Моисею, получившему здесь Заповеди Божьи, но к видению пророка Илии — Богоявлению ему. Это был первый и важнейший сакральный символ: преп. Сергей явился Иеремии там же, однако он не говорил об Илье — это было указание самого Иеремии для обозначения места. Но почему Илья, а не Моисей и Заповеди? Почитание Ильи пророка в России было весьма распространенным и его образ более понятен для ассоциации с Богоявлением (3 Царств. 19: 9–15), да и огненное вознесение Ильи «взывало» из многочисленных икон. Об этом «говорили» также многочисленные храмы, их росписи и иконы, посвященные Илье. Подчеркнем: Хорив, Илья и само Богоявление — это сакральная иеротопия, очерчивающая святое пространство Синая, где явился преп. Сергей.

Но зачем, он собственно явился Иеремии во сне? Судя по приведенному переводу, преп. Сергей указал место пустынножительства преп. Стефана Синайского, святого VIII в. Естественно, возникает вопрос, почему именно преп. Стефан был избран, если не явившимся ми-

---

¹⁴ *Каптерев Н. Ф.* Сношения Иерусалимских патриархов с русским правительством... С. 97.

Ил. 3. Костница Синайского монастыря

трополиту преп. Сергием (вспомним о недоверии к описанному чуду Н. Ф. Каптерева, который может быть далеко не одинок в своих подозрениях), то, по крайней мере, самим Иеремией?

Ответ на этот вопрос — в самом монастыре св. Екатерины. Преп. Стефан Синайский долгие годы искал святое место для своего подвижничества, был во всех древнейших обителях Египта, отшельничал, в том числе на горе Хорив возле пещеры пророка Илии, основал свою обитель Хинолаккскую («при гусином пруду») под горой Оксией близ Хамендона. Однако его культ не принадлежит к распространенным, и уже тем более не был известен в Московском царстве.

Но вот что важно: в костнице монастыря св. Екатерины, где хранятся черепа монахов с древнейших времен существования обители, есть лишь один полностью сохранный скелет, посаженный на кол и облаченный в схиму — он является своеобразным символом брэнности человеческой жизни и благости подвигов пустынножительства и аскезы. Это преп. Стефан¹⁵. Насельники обители и ее историки не могли и не могут указать

¹⁵ Не вполне ясно, видели ли русские паломники в Синайской обители преп. Стефана в костнице. См.: *Августин (Никитин), архим.* Синайский монастырь и Россия (русская

Ил. 4а. Мощи преп. Стефана Синайского в синайской костнице

места, где на горе Хорив спасался преп. Стефан¹⁶. И вот видение Иеремии преп. Сергия, наконец, устанавливало это место: русский преподобный указывал митрополиту, пребывающему временно на Синае, место, освященное подвигами синайского преподобного. Здесь следует подчеркнуть, что этот «жест» преп. Сергия был нужен именно синайской братии, которая хранила останки преп. Стефана — этот святой, как указывалось, не был столь известен в Московском царстве¹⁷. Данное обстоятельство позволяет не следовать иронии Н. Ф. Каптерева («Иеремия был ловкий, бывалый человек и смело пустил в ход все средства, чтобы только поболь-

---

благоворительность Синайской обители) // Россия, Запад и мусульманский восток в Новое время. СПб., 1994; *Августин (Никитин), архим.* Русские паломники у христианских святынь Египта. СПб., 2003; *Алфеева В. А.* Паломничество на Синай. М., 1998.

¹⁶ См.: Подвижники благочестия Синайской горы. М., 1994; *Порфирий (Успенский), архим.* Первое путешествие в Синайский монастырь в 1845 г. СПб., 1856; *Порфирий (Успенский), архим.* Второе путешествие в Синайский монастырь в 1850 г. СПб., 1856.

¹⁷ Известный в многочисленных славянских списках «Синайский патерик» содержал сочинения Иоанна Мосха «Луг духовный» VII в., а потому преп. Стефана там не было. См.: Синайский патерик /Изд. В. С. Гольшенко, В. Ф. Дубровина. М., 1967; Синайский патерик: Указатели. Новосибирск, 1980; *Смирнов И. М.* Синайский патерик в древнеславянском переводе. Сергиев Посад, 1917.

Ил. 46. Мощи преп. Стефана Синайского в синайской костнице

ше нажитья на счет русского благочестия и легковёрности») в дешифровке синайского чуда преп. Сергия.

С другой стороны, именно образ преп. Стефана, как и вся костница, показывает противоположность представления относительно признаков святости у греков, где не должно быть мощей — только кости, и на Руси, где сохранность мощей считалась доказательством святости. Однако, поскольку и сам патриарх Иерусалимский Иеремия, по просьбе которого открывали даже лик преп. Сергия, «дивился» его святости и прикладывался к мощам преподобного, о чем синаиты были хорошо осведомлены, то и Иеремия просился у патриарха Филарета посетить Троице-Сергиев

монастырь и поклониться преподобному. В челобитной он писал, что «не возмог есми с святителем поговорити, зрящее величество его и страшное зрение». Это «страшное зрение», по-видимому, указывало не греховность Иеремии, который, по его словам, пал на землю безмолвный, посему и «молил много-много» о разрешении поклониться преподобному «да ми простит согрешение мое». Это интересное и непонятное замечание едва ли следует толковать как «замену» Сергием Христа, который Один лишь может прощать грехи — скорее всего, речь должна идти о проблемах перевода.

Собственно, это и все о «синайском чуде» преп. Сергия. Вновь подчеркнем: чудо состояло в видении Сергия на горе Хорив и указании им места, где был отшельником преп. Стефан. Конечно, у рационалистов сразу возникнет вопрос: почему не сам Стефан указал это место, насколько Иеремия знал образ преп. Сергия, чтобы его идентифицировать, не является ли все это выдумкой для получения большей милости от Филарета и Троицкой обители? Напомним, что образы преп. Сергия, да еще и явления ему Богородицы, были поднесены Феофану и его свите в Троицкой обители в 1619 г., возможно, один или несколько из них были привезены и на Синай. Естественно, что перед отправлением

в России, этот образ/образы был актуален, у него молились синаиты, оправляющиеся в путешествие, поэтому лик преп. Сергия, как нам представляется, после 1619 г. был достаточно известен в обители св. Екатерины; кроме того, он сильно отличался от греческой иконописи синайской обители и этим также запоминался¹⁸. В случае «измышления» Иеремия мог бы описать «иное» чудо, более весомое, нежели указание места пещеры преп. Стефана.

Однако акцентируем: речь не идет о доказательстве или опровержении «достоверности» самого чуда. Нас интересует его восприятие русской стороной. Конечно, если бы Иеремия попал в Троицкую обитель и рассказал о своем видении там, то «синайское чудо», несомненно, попало бы во все житийные циклы преп. Сергия с чудесами уже с 20-х гг. XVII в. Однако этого не произошло в связи со скандалом, разгоревшимся вокруг митрополита Иеремии в Москве, который фактически «аннулировал» чудо преп. Сергия в связи с недоверием к его свидетелю.

Причиной скандала послужил донос на Иеремии его спутников, насельников Синайской обители архидиакона Неофита и келаря Паисия. Они представили исключительно негативную информацию о митрополите: Патриарший Собор будто бы лишил его сана митрополита и запретил в служении, после чего он ездил в Рим, литургисал с папой, «целовал его в ногу», «отпал» от истинной веры; вернувшись из Рима в Синайский монастырь, где был пострижен, упросил архиепископа Синайского Лаврентия принять его в обитель. Затем Иеремия вызвался собирать милостыню на Синайский монастырь, поэтому был послан в Московское царство, но для наблюдения за ним были приставлены челобитчики. Почему же они только в этот момент, перед выездом Иеремии в Троицкую обитель, сообщили столь шокирующую информацию о митрополите, которого и патриарх Феофан, и Синайский архиепископ Лаврентий с Собором называли в своих грамотах митрополитом и мужем благочестивым, своим доверенным лицом? Как всегда в подобных случаях, причиной стала ссора из-за материальных ценностей. Неофит и Паисий увидели, что собранную на монастырь милостыню Иеремия «обращает в свою корысть», более того, получив от царя и патриарха не-

---

¹⁸ См.: *Лидов А. М.* Византийские иконы Синая. М., 1999; Синай. Византия. Русь: Каталог выставки СПб., 2000; *Комашко Н. И., Саенкова Е. М.* О некоторых новооткрытых русских иконах XVI — начала XVIII в. в монастыре св. Екатерины на Синае // Троице-Сергиева лавра в истории, культуре и духовной жизни России: 5-я Международная конференция: Тезисы докладов. Сергиев Посад, 2006. С. 25–28.

малые дары, но будто бы не собирается возвращаться на Синай, хочет все присвоить, а самих старцев, как свидетелей, имеет намерение убить в Литве. Неофит и Паисий просили отобрать у Иеремии все дары, передать им и отпустить их из Москвы ранее, нежели митрополита.

Как показало дальнейшее расследование, в этом доносе были «следы» правды и много домыслов, особенно относительно «коварных планов» Иеремии, вплоть до убийства (это признал и Н. Ф. Каптерев¹⁹).

При допросе сам Иеремия показал, что 19 лет тому назад (т. е., в 1604 г.) Константинопольский патриарх Рафаил (был на патриархии в 1603–1607 гг.) поставил его в митрополиты Родосские, но пробыв там три года (т. е. до 1607 г., когда Рафаил был смещен), он возвратился в Синайскую обитель, оставаясь в сане архиерея. Относительно своего поставления и самостоятельного отъезда из Родоса, Иеремия поведал, что Рафаил стал требовать от него за поставление 3 тыс. золотых, угрожая лишить кафедры (Рафаил, действительно, очень нуждался: турецкие власти отобрали его кафедральный храм Всеблаженной Богоматери и перенесли патриархию в беднейший район Фанар, в маленький храм св. Георгия, где Константинопольская патриархия находится и сейчас). Но, по словам Иеремии, он сам «ест одну капусту с солью», посему ничего Рафаилу дать не мог, и не дожидаясь отстранения от кафедры вернулся на Синай. Иеремия решительно заявлял, что если «сыщется», что он лишен сана митрополита кем-либо, то он готов понести наказание. Эти слова, как и грамоты от Феофана и Синайского Собора подтверждали актуальность митрополичьего сана Иеремии, что никто из присутствующих в Москве греков доказательно опровергнуть не смог.

Далее Иеремия весьма интересно изложил ареал своих путешествий для собирания милостыни на Синай, что объясняет его посылку и в Москву. Первоначально он побывал в Индии, где португальская королева Екатерина «оставила» на синайскую обитель св. Екатерины 500 золотых — «кроме его послать в Индию было некого». Здесь следует указать, что синайская община, насчитывающая в то время около 400 монахов, ежегодно рассылала около 300 из них в разные страны и области за милостыней, поскольку никаких доходов обитель не имела, плодородными землями на Синае почти не обладала, паломников было немного и единственным средством для выживания был сбор

---

¹⁹ *Каптерев Н. Ф.* Сношения Иерусалимских патриархов с русским правительством... С. 97–99.

милостыни²⁰. Иеремия указывал, что из Индии он привез на Синай значительную милостыню. Затем он был послан в Испанию, поскольку испанский король обещал 500 золотых на обитель. В Испанию с Иеремией ездили еще четверо синаитов. По дороге они действительно побывали в Риме и имели прием у папы Павла V, но от веры не отступали, с папой он не служил, тем более, что Павел V всегда служит сам, а «со властями никогда не служит». По просьбе синаитов папа лично писал к королю Испании о передаче денег и от себя также пожертвовал 500 золотых, «на что есть у него лист». Синаиты с Иеремией побывали и во Франции, где получили «на Синайскую гору» 1 тыс. золотых от короля. Иеремия заметил, что пожертвования от французского короля на Синайскую обитель начались «уже лет с двадцать». Затем Иеремия отправился на Родос и острова, которые «даны ему от Константинопольского патриарха». Все это путешествие по католическим странам длилось «лет с пять».

Таким образом, Иеремия совершенно бесхитростно сообщил российским властям о многочисленных дарах, собранных им от католических правителей и самого папы римского на Синайскую обитель. При этом он даже не пытался оправдываться, что все совершал не по своей инициативе, а по приказу синайского священноначалия.

Здесь следует подчеркнуть, что для Синайского монастыря такая ситуация была не исключением, а нормой. Для блага обители они обращались буквально ко всем. Известно, в частности, что синаиты выпросили охранную грамоту от самого Мухаммеда с оттиском его руки (датирована 624 г.). И хотя оригинал грамоты на коже был будто бы истребован турецким султаном Селимом I после завоевания Египта в 1517 г., но его копия постоянно находилась в обители и играла свою охранную функцию. Правда, исследователи считают этот документ подделкой, но во всяком случае, уже в конце XVI в. он существовал и активно использовался. Более того, еще в первой половине XI в. на территории монастыря была возведена мечеть, в которой могли молиться арабы-мусульмане, что было довольно редко, скорее мечеть служила также неким «охранным символом». Монастырь всегда принимал подаяния от католического мира, западные паломники раньше

---

²⁰ См.: Папаиоанну Е. Монастырь Св. Екатерины. Издание Синайского монастыря, б/г.; Э. П. А., архим. Августин (Никитин), диакон Игорь Якимчук. Екатерины великомученицы монастырь на Синае // Православная энциклопедия. М., 2009. Т. 18. С. 170–214.

православных стали посещать обитель — с IX в., а первым православным паломником на Синай считается св. Сава Сербский (1234–1235 гг.). Именно на Западе получил широкое распространение культ св. Екатерины, которой посвящено немало средневековых католических храмов. В частности, в связи с чудесами от частицы мощей святой в Руане 1026–1027 гг. синайская обитель стала получать многочисленные подаяния католиков. Синайский архиепископ Симеон был принят в Риме папой Иннокентием III. Папы Гонорий III (в 1217 г.) и Григорий IX (в 1227 г.) посылали на Синай свои буллы. В ризнице обители сохранился серебрянный позолоченный потир — дар французского короля Карла VI 1411 г. С XV в. в Синайскую обитель св. Екатерины посылаются не просто единоразовые дары, но устанавливаются ежегодные субсидии французским королем Людовиком XI, испанской королевой Изабеллой и императором Максимилианом I. Для многочисленных латинских паломников в обители была открыта часовня св. Екатерины, а также молельни для монофизитов (коптов, армян). В 1570-е гг. синайские монахи обращались за помощью к императору Максимилиану II и французскому королю Генриху III; по документам 1579 г. известно, что французский и испанский короли установили ежегодные субсидии обители в 600 золотых. Монастырь и далее поддерживал папский престол — последняя папская булла датирована 1630 г. и принадлежит Урбану VIII²¹. На этом фоне первое русское паломничество на Синай иеромонаха Варсонофия 1461–1462 гг.²² выглядит сильно запоздалым, тем более, что следующее посещение обители произошло лишь в 1559 г. (Василий Позняков) и 1636 г. (Василий Гагара). Эта независимая «внешняя политика» Синайского монастыря была хорошо известна на Востоке, в том числе Иерусалимскому патриарху. Такую политику активно применял архиепископ Синайский Лаврентий, отправивший Иеремию в Москву, о чем свидетельствуют возмущенные послания Александрийского патриарха Мелетия Пигаса: «надевший корону как патриарх», он «отправлял послов к папе старого Рима и лобзал его, выторговав себе награду... по триста сребненников ежегодно». Мелетий сообщал, что Лаврентий добился обещания папы о посылке на Синай по 300 золо-

---

²¹ См.: *Eckenstein L. A History of Sinai. L., 1921; Labib M. Pèlerins et voyageurs au mont Sinaï. Le Caire, 1961; Pilgrimage to Sinai: Treasures from the Holy Monastery of St. Catherine. Athens, 2004.*

²² Хождение священноинока Варсонофия ко св. граду Иерусалиму в 1456 и 1461–1462 гг. / Ред. С. О. Долгов // Православный Палестинский сборник. 1896. Т. 15. Вып. 3 (45).

тых ежегодно, называл Лаврентия «незаконно епископствующим в Синае». Тем не менее, Лаврентий оставался Синайским архиепископом продолжительное время²³.

Конечно, такая информация о «латинских подаяниях» на Синай и поездках синаитов на Запад не могла быть принята в Московском царстве как «законная» и «истинно православная» деятельность. Именно связи с «латинниками» сделали Иеремию однозначно негативной личностью, которой не следует доверять. А негатив личности не позволил принять и его свидетельство о «синайском чуде» преп. Сергия.

К обвинению Иеремии подключились и другие бывшие в то время в Москве греки, знавшие однозначные антилатинские установки местных светских и духовных властей. Силистрийский митрополит, в частности, утверждал, что католические правители, а тем более папа, «в греческую землю» никаких даров на святые места никогда не присылали, да и «от всех греческих патриархов то заклято», чтобы даже от простого верующего-католика «милостыни ни оной деньги не принимать ни в чем» и даже не общаться. К этому утверждению присоединись и оба выше названные синаита, говорившие, что их обитель таковых даров не получала. Тогда Иеремия показал документы: послание самого папы в Синайский монастырь, а также послания испанского и даже английского королей.

Патриарх Филарет приказал устроить очную ставку двум греческим митрополитам — Иеремии и Силистрийскому владыке Иоакиму. Оба они шумно и долго говорили по-гречески, в результате Иоаким сказал, что Иеремия упирается, но он сам ручается за справедливость извета на него, причем ручается головой (митрополит провел пальцем по своей шее).

«Независимое» свидетельство представили проживающие в Москве греческие переводчики, которые исподволь выяснили дело с самими синаитами. Оказалось, что патриарх Филарет дал Иеремии за привезенную от патриарха Феофана утвержденную грамоту 40 соболей, которые были положены в общий сундук под двумя замками: один ключ — у Иеремии, другой — у келаря Паисия. Кроме того, боярин Иван Михайлович Воротынский также прислал соболей митрополиту за поднесенные две частицы святых мощей. Все эти «дополнительные»

---

²³ *Мальшевский И. И.* Александрийский патриарх Мелетий Пигас и его участие в делах Русской Церкви. Киев, 1872. Т. 1. С. 635, 637.

соболя Иеремию «учал называть своими», что и вызвало ссору с архи-диаконом и келарем. Синаиты укоряли Иеремию: Феофан писал грамоты к царю и Филарету о Синайской обители и милостыне для нее, а не об Иеремии, мощи также принадлежали монастырю, а не самому митрополиту, следовательно, все соболя — монастырские. В сердцах Иеремию бросил им свой ключ от сундука. Это несколько сняло напряжение, но затем Неофит и Паисий начали укорять Иеремию тем, что он много собрал и даже купил образов, которые очень трудно будет везти. Все это показывало, что скандал начался именно с этих материальных зацепок. Оба синаита не оспаривали архиерейское достоинство Иеремии, не оспаривали и его официальной посылки Иерусалимским патриархом и священноначалием Синайского монастыря за милостыней в Москву. Их информация о предыдущих деяниях и жизни Иеремии была весьма приблизительна, фактически же они все перевернули и выставили митрополита в неподобающе негативном свете.

Тем не менее, вся эта информация показала, что обе греческие стороны имеют свои резоны и выяснить истину невозможно. Поэтому патриарх Филарет решил пока не признавать епископства Иеремии, и не разрешил ему причащаться по архиерейскому чину, но велел по этому поводу обращаться к Константинопольскому патриарху, для чего «его теперь отпускают в Константинополь, чтоб он там очистился от всего пред тамошнею властью». При этом в Москве Иеремию наказан не был: «А здесь, на Москве, государь и патриарх неволи ему некоторые учинити не велели, и до того времени, когда он побудет на Москве, ему велено стоять на старом подворье и корм ему давать по-прежнему. А в Рим к папе, и в аглицкую, и во французскую землю не ездить; а буде он в те неверныя государства поедет, и он будет проклят в сем веце и будущем».

Отправленный восвояси Иеремию не получил позволения посетить Троице-Сергиеву обитель, его свидетельство о чуде было поставлено ни во что. Патриарх Филарет вслед ему написал послание к патриарху Константинопольскому, в котором говорилось: «Буди ведомо вашему святительству из давних лет с тех пор, как греческую власть захватили измаильские внуки, обычай имеют приходить к благочестивым и христоролюбивым царям российским греческой области святейшие патриархи, и митрополиты, и архиепископы, и прочие освященные иноки милостыни ради и искупления Святых Мест, захваченных турками, и донные приходят. Мы таковых принимать привыкли, и дарами, и милостынею не только их обогащать, но и Святым Местам потребное посылать, и тем

плачущих и оскорбляемых утешать и, таким образом почтивши приходящих к нам, отпускали восвояси. Ныне же пришел к нам от святой горы Синайской митрополит Иеремия, объявляя, что прежде был Родосского острова митрополит, милостыни ради, с ним же вместе и другие пришли; мы, по обычаю нашему, человеколюбиво приняли их, ибо они принесли с собою грамоты от блаженного Феофана, патриарха Иерусалимского, которого, как говорят, встретили в Константинограде. Потом, не знаю какой ради вины, Иеремия начал враждовать с пришедшими с ним, называя их чуждыми христианского звания и жития недостойного, истинного же свидетельства о том против них привести не мог. Они же, видя его злые поступки, восстали против него и во многом его обвинили: первое, что он собранное и дарованное от христолюбцев во обитель Святой Горы Синайской все себе взял; второе, что он святительства одежду неправо носит, ибо прежде, чем поставлен был митрополитом в городе Родосе, некоторых ради преткновений, от Вселенского патриарха Неофита изгнан был, и святительски действовать ему воспрещено. Потом же пошел он, митрополит, к папе римскому Павлу V и от него благословение принял, чего делать не подобало, ибо сие противно Православию». Филарет подробно излагал все дело и свидетельства разных сторон.

Это послание патриарха Филарета заставило оправдываться буквально всех предстоятелей Восточных Церквей. Поводом к этому послужило новое посольство синаитов в Москву 1627 г., которые привезли соответствующие послания. Иерусалимский патриарх Феофан писал: «А прежде сего присылали к вашему святительству из Синайския горы некотораго бывшего родосскаго митрополита и с иными монастырскими людьми, не знаючи его дела ни разума, что он за свой злой разум отставлен от патриарха». С другой стороны, Феофан утверждал свою власть над Синаем: «Синайская гора под нашу Иерусалимскую областию и архиепископ того монастыря поставляется у нас в Иерусалиме и ныне архиепископ Иоасаф». Эта как бы предполагало его ответственность и за Иеремию, синаиту по постригу и официальному посланцу обители. Однако Феофан оставил это «за рамками» текста, как и то, что архиепископ Синайский Лаврентий, поддерживавший не только Иеремию, но и саму политику собирания милостыни где угодно, в том числе среди католиков, был низложен. В грамоте Александрийского патриарха говорилось уже более прямо, что синайские послы 1623 г. «дьявольским искушением поссорились между собою», посему справедливо были изгнаны «порожними», то есть без пожертвований. Фактически ту же мысль привел

и Константинопольский патриарх Кирилл Лукарис: «И по грехам меж ними вражим искушением объявилася рознь и безчинство».

В посланиях обоих названных патриархов (особенно следует учесть Константинопольского) речь не идет о личности Иеремии, его низложении и неправых действиях, а только о ссоре среди посольства и причиной таковой выставляется «дьявольское искушение». Новопоставленный Синайский архиепископ Иоасаф писал о посольстве 1623 г. пространнее: «В прошлом времени, видя мы блаженную любовь, яко держиши к святым местам и к нам, убогим богомольцам своим, посылали есмя к царствию твоему Родосскаго митрополита Иеремея, который был у нас в монастыре, не зная дел его, и дали ему товарищей священномонахов келаря Паисия и архидиакона Неофита. И дьявол, ненавистник роду хрестьянскому, видя их, что они пришли к великому твоему царствию для милостыни, которого милостынею хотела свободиться святая и великая обитель наша от великаго долгу, вложил в них смуту, и меж их учало быть презорство и ненависть, и они только объявились в твоём царствии безумием и всяким безчинием, а нам от твоей царския милости помочи некоторые не учинили, а хто у них был первой смут заводчик, и тому здесь от нас было великое наказание». Как видим, Иоасаф также ничего не говорил о низложении митрополита Иеремии, лишь указав, что синайские власти «не знали дел его», но совсем не отрекался от получения в обители даров из католического Запада. Он опять таки повторял сентенцию о «дьявольских кознях», но лишь для того, чтобы указать на расстройство самого благого дела для монастыря. Очень туманно говорилось о наказании «первой смут заводчика» — кто таким был: Иеремия, Неофит или Паисий?

Инцидент был исчерпан. Московские власти приняли и одарили милостыней синаитов. Об Иеремии никто более не вспоминал. А с ним кануло в лету и «синайское чудо» преп. Сергия, о котором и патриарх Филарет, и дьяки Патриаршего и Посольского приказов предпочитали молчать. Так недоверие к свидетелю чуда деактуализировало и само чудо.

Интересно, что в дальнейшем синаиты просили у царя и Московского патриарха дарование «шапки властительской», которую они будто бы получили еще от императора Юстиниана — своеобразное соединение митры и императорской короны²⁴. Архиепископ Лаврентий,

---

²⁴ См.: *Коринна России*. Сокровища монастыря святой Екатерины. М., 2007.

посылавший в Россию Иеремию, с конца XVI в. стал облачаться в патриаршие ризы и митру, что говорило о стремлении к автокефалии Синайской области и самой обители²⁵. В 1642 г. царь Михаил Федорович таки послал митру в Синайскую обитель, где она сохранилась в ризнице и поныне. За всю дальнейшую историю синайских посольств в Россию только в 1682 г. Синайскому архиепископу Анании удалось посетить Троице-Сергиеву обитель. Именно он и сообщил в Москве о практике собирания милостыни по всему миру синайской братией: «Житие наше, богомольцев ваших, в самой пустыне между арабами. Собрано в нашей обители братии 400 человек, а крестьян не имеем, ни пашни около монастыря, нет никаких и промыслов, живем исключительно милостынею, для чего ежегодно разсылаем по всему христианству до 300 братии, и на выпрошенное ими имеем пищу и одежду, из этого же даем ежегодно дань туркам и арабам». Более того, он даже прибег к угрозе молодым царям Иоанну и Петру Алексеевичам: «к вам прибегая со слезами, царское ваше величество просим: пожалуйте, излейте на нас милосердие, благоволите нашу святую обитель взять в свое государское попечение, и не дайте той святой и преславной обители от скудости прийти в римския руки, потому если, государи, мы от великия скудости то святое место оставим, то римляне всячески о том потщатся, чтоб им тем святым местом завладеть, и буде ваша царския милости не будет, не изволите святяга наши обители взять в ваше попечение, то конечно папа римский потщится тем местом завладеть», ибо «ту гору хотят купить у султана римляне»²⁶. Это было неким «эхом» деяний Иеремии, хотя и с игрой на антипапских настроениях в Московском царстве. Однако об этом посольстве и его посещении Троице-Сергиевой обители стоит говорить отдельно.

---

²⁵ См.: Материалы для истории архиепископии Синайской горы / Публ. А. И. Пападопуло-Керамевса; пер. В. В. Латышева // Православный палестинский сборник. Вып. 58. 1908. Ч. 1; 1909. Ч. 2.

²⁶ *Канттерев Н. Ф.* Русская благотворительность Синайской... С. 385–387; *Чеснокова Н. П.* Описание Синайской горы 1686 г. из собр. РГАДА // Там же. С. 418–433; *Чеснокова Н. П.* Реликвии христианского Востока в России в середине XVII в.: По материалам Посольского приказа // Вестник церковной истории. 2007. № 2 (6). С. 91–128. См. любопытный «милостинный Синодик», с которым синаиты ездили через украинские земли Речи Посполитой в Россию и записывали пожертвования: *Altbauer M.* An East-Slavic Sinodik from the Sinai. Köln; Weimar; Wien., 1992.